

А.С. Сидоров и вопросы изучения коми ономатопоэтической лексики в севернорусских говорах*

Научная деятельность А.С. Сидорова проходила в те годы, когда закладывались основы современного языкознания, проводился сбор и первоначальная классификация диалектного материала, разработка основных норм и кодификация литературного языка. Это определило разнообразие интересов ученого, усилия которого были направлены на становление молодой коми науки и решения неотложных задач народного образования.

Теоретические разработки А.С. Сидорова строятся на богатом языковом материале, который он активно собирал всю жизнь. Он одним из первых горячо призывал к изучению коми диалектов и много сделал для развития коми диалектологии.

В своих научных работах он сочетал сведения из различных областей знания - этнографии, археологии, истории, фольклора, вел широкие исследования в этих областях параллельно. Однако при этом из поля зрения Сидорова никогда не выпадали собственно языковые факты и внутренние закономерности их развития.

Для научного стиля Сидорова-лингвиста были характерны всесторонний анализ отдельного языкового факта и охват всего многообразия связанных с ним языковых явлений. Д.В. Бубрих в отзыве на диссертацию А.С. Сидорова писал: «Характерная черта его лингвистической работы – постоянный учет всей системы изучаемого языка и речи вообще... Любая из затрагиваемых им тем, так сказать, цепляется за другие темы. Это осложняет работу, но в то же время создает обстановку, когда по всякой его работе, какую бы узкую тему она не освещала, обнаруживаются различнейшие выходы в дальнейшее исследование»**.

Наряду с исследованием фундаментальных вопросов синтаксиса и истории коми языка Сидоров обращал внимание и на сопутствующие проблемы, которые не были собственно предметом его исследования, однако не остались в стороне. В частности, в двух небольших статьях он обращается к вопросам взаимоотношения коми и русского языков, а одну из них непосредственно посвящает проблеме выделения коми субстрата в севернорусских говорах [1992: 102-121; 36-44].

Статья «О некоторых особенностях языка русского населения бассейна р. Яреньги» была написана Сидоровым по наблюдениям над языком жителей сел Тохта и Черва Архангельской области во время его археологической экспедиции 1928 года. В этой статье Сидоров поднимает важные вопросы исторического взаимодействия коми и русского населения в процессе заселения данной территории. На основе некоторых археологических, антропологических, этнографических и фольклорных данных, которые он связывает с полевыми диалектными материалами, Сидоров делает предположение о ранних контактах русских с местным комиязычным населением, которое, по его мнению, происходило из Прикамья и Нижней Вычегды.

Разумеется, эта небольшая статья не может претендовать на полное описание субстратных явлений, однако Сидорову удалось выделить несколько узловых моментов, позволяющих судить об этноязыковых контактах на данной территории в прошлом.

Прежде всего, он выделил такой этнодифференцирующий фактор, как достаточно мощный пласт топонимов, этимологизирующихся из коми языка; это названия с гидроформантами *-йиль* (к. *ёль* «ручей»): *Уграйиль*, *Урносйиль*, *Тылайиль*; *-шер* (к. *шор* «ручей»): *Мушшер*, *Черашер*, *Убашер* и др.; *-тый* (к. *ты* «озеро») в названиях озер:

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-14-11000а

** См. Сидоров А.С. Твердый порядок расположения слов в предложении коми языка (1947)// Научный архив Коми НЦ УрО РАН, ф.1, оп.11. ед.хр. 100. – С.328.

Козятый, Лантый, Вежатый; с топоформантами *-кош* (к. *кӧдж* «излучина»): *Каракош, Елакош, Осакош, Кыркош*; *-ек* (к. *яг* «бор»): *Мичаек, Пашаек, Порсяек*, топоосновы в названиях урочищ *Ягвиль, Егвич*, 14 топонимов и несколько фамилий жителей.

Кроме того, в лексике жителей с. Черва Сидоров обнаружил много коми слов и оборотов, напр., *утина* «заросшее озеро» (к. Вишера *уйт* «низина, ложбина»), *серт* «долина» (к. *сьӧрт* «тж.»), *чиран* «паук» (к. *черань* «тж.»), *панева* «каша» (к. вым. *панем* «ячная каша»); *лысина* «затес на дереве» (к. *лӧсас* «тж.»), *козос* «мужские соцветия ели» (к. уд. *коз оз* «тж.»), *забусить* «пойти мелкому дождю» (к. *буситны* «тж.»), *орт* «двойник» (к. *орт* «двойник человека»); *тыкола* «заросшее озеро» (к. *тыкӧла* «озеро») и др.

Не остались без внимания исследователя и такие, казалось бы, «мелочи», как изобразительные слова. Сидоров с присущим ему вниманием к любому языковому факту отмечает, что в говорах бассейна Яренги изобразительные слова междометного характера весьма употребительны, и это делает речь русских очень специфической: напр.: *что-то бузнуло в воду* (к. *бузгысьны* «упасть в воду с большим шумом»); *колокольцы гульги-гольги* (к. *гиль-голь* «со звоном»); *в Вашкавоже гуж-гуж вениками хлещутся* и др. [1992: 37-40].

Изобилие ономастопозитической лексики в коми языке отмечалось многими исследователями (И. Куратов, Д.В. Бубрих, М.А. Сахарова и др.), однако вопрос о ее заимствовании в русские диалекты практически не рассматривался. К упомянутой работе А.С. Сидорова можно добавить только статью А.С. Кривошековой-Гантман «Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья», в которой также представлен лишь небольшой список изобразительных слов [1981]. После этих работ к проблеме долгое время никто не обращался.

В последнее время в русле общих исследований севернорусских диалектов интерес к коми заимствованиям заметно возрос [Матвеев 1991; 1997; Мызников 2007 и др.]. Большой вклад в изучение неисконной лексики севернорусских диалектов внесла топонимическая экспедиция Уральского госуниверситета под руководством А.К. Матвеева. За более чем полувековую историю существования этой экспедиции был собран огромный полевой материал, в котором, несомненно, имеются и коми заимствования. Об этом, в частности, свидетельствуют «Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» [2004], находящиеся в процессе публикации, а также работы сотрудников Уральского госуниверситета.

В частности, О.А. Теуш посвятила несколько обзорных статей коми заимствованиям в говорах Русского Севера [2002, 2007, 2011], среди которых почти половину составляют изобразительные глаголы, напр.,

- (1) *а́ргать* «кричать, ругаться» < коми: *аргыны* «кричать, орать, вопить»;
- (2) *ба́ргать* «блеть» < коми диал. *баргыны* «блеть»;
- (3) *бы́ргать* «говорить непонятно, ворчать, бурчать» < коми: *быргыны* «жужжать, трещать»;
- (4) *зы́вгать* «качать люльку» < коми: *зывгыны* «ныть, продолжительно болеть, недомогать»;
- (5) *кулькотáть* «говорить невнятно, лепетать» < коми: вс. *кулькйӧдлыны* «курлыкать (о журавле)»;
- (6) *ла́чкать* «шлепать, чавкать, пачкать» < коми: диал. *лачкыны* «сильно ударить, отряхнуть, вытряхнуть»;
- (7) *тю́лькать* «невнятно говорить»; < коми: уд. *тюльгыны, тюлькӧтчыны* «выть, скулить (о волке, собаке)» [Теуш 2011], ср. сев.-русс., череп. *тюлькать* «ворчать, говорить невнятно» [Фасмер, 4: 136] и мн. др.

Наличие большого пласта субстратной ономастопозитической лексики в говорах архангельской и вологодской областей свидетельствует о тесных, продолжительных, можно сказать «родственных» контактах местного населения с русскими, поскольку

только в таких условиях возможно заимствование экспрессивной, не связанной с какими-то культурными реалиями, лексики.

Аналогичную картину можно наблюдать и сегодня в русских говорах Республики Коми и Пермского края, в которых обнаруживается большое количество коми изобразительной лексики. Например, в «Словаре русских говоров низовой Печоры» мы обнаружили следующие глаголы, возможно, заимствованные из коми языка:

- (8) **лямать** «жевать»: *зубоф нету, лямать нецем* < коми *лямны* «мять, разминать»;
- (9) **ляснуть** «ударить»: *ляснула, комара убила* < *ляснитны* «шлепнуть»; иж. *лясвартны* иж. «ударить с силой»;
- (10) **мячкаать** «медленно, едва жевать»: *мячкаете, а не едите, разве так едят* < коми *нятишкыны* «жевать»;
- (11) **шарчать** «шуршать, шелестеть»: *у осины листья шарчат* < коми *шаргыны, сяргыны* «дребезжать, шуршать»;
- (12) **чурскать** «пить небольшими глотками» < коми *чурскыны* «отпить»;
- (13) **гурчать** «квакать»: *лягушы гурчат* < коми *гурчкыны* «хрустеть, кряхтеть»;
- (14) **гулькаать** «пить, булькая»: *полбутылки выпил, так и гулькает дак* < коми *гульк, гулькыны* «глотать с шумом» и др. [СРГНП].

А.С. Кривошекова-Гантман среди коми-пермяцких заимствований в русских говорах верхнего Прикамья также приводит следующие глаголы:

- (15) **чурскнуть** или **отчурскнуть** «отпить, глотнуть» < коми *чурскнитны* «отпить с характерным звуком»;
- (16) **пурскать** «брести по затвердевшему снегу» < коми *пурскыны* «упасть во что-то рыхлое, напр., в снег»;
- (17) **ивгать, ивкать** «громко, визгливо хохотать» < коми *ивгыны, ивзыны* «ржать»;
- (18) **дзолькать** «журчать, течь, выливаться тонкой струей» < коми *дзольгыны* «журчать»;
- (19) **гырскать, гырскаться** «скрежетать» < коми *гырскыны* «издавать скрежет, напр. зубами» и др. [А.С. Кривошекова-Гантман 1981: 62].

Самые предварительные исследования в этой области опровергают расхожее утверждение, что опровергает утверждение, что ономотопы и особенно изобразительные глаголы почти не заимствуются в отличие от так называемой «культурной лексики», сопровождающей заимствование предметов культуры и быта. Как видно из приведенного материала, эта лексика может проникать из языка в язык в достаточно большом количестве. Другое дело, что идентификация ее не так проста, как кажется на первый взгляд. Трудность состоит уже в самой специфике изобразительной лексемы, которая не связана напрямую с номинацией.

Как пишет в одной из статей А.С. Сидоров, изобразительные слова содержат лишь представление о предмете, не называя его по имени. Представление же о предмете подчинено нерасчлененному образу в целом.... Этимологически слово, выражающее, например, образ хождения, не обязательно восходит к названию предмета, а может иметь своим источником самые разные образы, возникающие спонтанно, ср.: *тапъялө-ветлөдлө* «ходит, ступая мягкими широкими ступнями (напр., утка); *тапикасьө-мунö* «идет, грузно ступая широкими ступнями (напр., медведь)», *ваджъялө-ветлөдлө* «ходит в развалку тяжелой походкой (напр., курица), *чизкъялө-ветлөдлө* «ходит легкой птичьей походкой», *шывкъялө-ветлөдлө* «ходит легкой, быстрой, незаметной походкой», *торсьялө-ветлөдлө* «ходит легкой подвижной походкой, постукивая каблуками», *журьялө-ветлөдлө* «ходит быстро, производя шум ветра», *шувкъялө-ветлөдлө* «ходит взад-вперед с шумом» и др. [1992: 29].

Понятно, что звукоподражание и имитация каких-то внешних признаков предмета обычно бывает результатом собственного словотворчества, а изобразительные слова не имеют никаких других мотивационных связей, кроме оноματοпоэтических.

Однако, как мы можем наблюдать на примере севернорусских диалектов, изобразительная лексика заимствуется и заимствуется в достаточно большом количестве. В этом случае встает вопрос о выяснении источника заимствования, и соответственно, направления заимствования. В случае с севернорусскими диалектами вопрос осложняется тем, что они длительное время находились и до сих пор находятся в окружении разных финно-угорских языков, каждый из которых может быть потенциальным источником заимствования. Поскольку лексические взаимоотношения между языками на северных территориях всегда были достаточно запутанными, выяснить происхождение изобразительного слова часто бывает достаточно сложно, если не невозможно.

Например, глагол (20) *кырскать* «разгрызть зубами», *кырчкать* «есть с хрустом», *кыршкать* «кричать (о глухаре)», зафиксированный в [СРНГ, 16: 204], О. Теуш сравнивает с коми *кирчкыны* «щелкать», «скрипеть, скрежетать» [ССКЗД: 91; КРС: 274]. Нами этот глагол обнаружен также в говорах нижней Печоры: *кырскать* «грызть, скрипеть зубами, царапать»: *возьми сахар, кырской; пила тупа, одва кырскает* [СРГНП], который мы сравнили бы с коми *гирскыны*, *кырскыны* уд. «скрести, шоркать твердым предметом» [ССКЗД: 80]. Слово было зафиксировано также Сидоровым, но в форме *курскать*: *сахар собака курскает*, которое он сравнивает с коми *курчкыны* «грызть с треском» [1992: 42]. Фонетический разброс, по-видимому, свидетельствует о его заимствовании из разных диалектов или даже родственных языков, Ср. напр., приб.-фин.: фин. *kirskua*, *kirskaa* «скрипеть, хрустеть», карел. *kirskuo* «кричать», *kirsata*, *kirskada* «кричать, шуметь; скрипеть» [SSA, 1: 372].

Или другой пример: русское слово (21) *кóчкаать*, *кóчкааться* в близких значениях широко распространено на всем Европейском севере России [СРНГ, 15: 134], с том числе русских говорах РК: *олень тянет слабенько, ево и коцьнут хореем; когда на улицэ человек палкой бьёт, говорят што кочьканье слышно* [СРГНП]. Оно связывается с коми словом < коми: *котшкыны* «стучать, стукнуть» [ССКЗД: 167], однако, как справедливо пишет О. Теуш, не исключено, что может быть связано с вепс. *kotškejta* «ударять, бить» [SKES, 2: 225].

Таких примеров можно привести большое количество, ср.:

(22) *мургать*, *мургать* «мяукать» [СРНГ, 18: 353] < ? коми *мургыны* «мурлыкать» [КРС: 407; ССКЗД: 180]; ср. фин. *murata*, *murahtaa* «ворчать», «проворчать», *murista* «ворчать, брюзжать»; саам. *morret* «то же» [КЭСК: 179];

(23) *нюргать*, *нюргать* «мурлыкать, мяукать» [СРНГ, 21: 329] < ? коми *нюргыны* «хныкать, ныть» [КРС: 447; ССКЗД: 255], ср. фин. *nyristä*, карел. *ñüristä* «ворчать», эст. *nürada* «ворчать», вепс. *ñurkta* «надоедать», фин. *nurkuu* «роптать, ворчать» [SKES, 2: 403, 408];

(24) *няргать* «мяукать», «капризничать, стонать» [СРНГ, 21: 334] < ? коми *няргыны* «хныкать, ныть» [КРС: 450; ССКЗД: 255]. Ср. фин. *närkästyä*, карел. *ñärkäštiiö* «раздражаться, сердиться» [SKES, 2: 415];

(25) *баргать* «блеять», ср. кп. *баргать* «блеять» [СРНГ, 2: 111] < ? коми иж., нв., печ., уд. *баргыны* «блеять (об овцах)» [ССКЗД: 16-17], ср. фин. *parkua*, карел. *parguo* «вскрикнуть, взвыть» [SKES, 3: 446] и т.д.

Как известно, обязательным критерием идентификации заимствования (любого, не только иммитивного) является география его распространения, т.е. наличие археологических, этнографических, топонимических данных и исторических документов, свидетельствующих о пребывании на данной территории носителей данного языка, как это мы видели на примере статьи А.С. Сидорова. Однако специфичность материала требует дополнительных критериев в каждом конкретном случае, хотя понятно, что и они

будут достаточно условны. И все же попытаемся найти хотя бы какие-то ориентиры, опираясь на специфику коми материала.

А.С. Сидоров отмечал, что в коми языке изобразительные слова образуются особым образом. Основой для них часто служат изобразительные основы, которые достаточно четко делятся «на основе способов восприятия: зрением, слухом, мускульным чувством»; некоторые же недифференцированные с точки зрения органов восприятия, т.е. зрительные, слуховые и двигательные образы представлены в них синкретично, как напр., в глаголе *сяркакывны* «слышаться в форме отчетливых разъединенных, сухих трещащих звуков» - *сярк-сярк* [1992: 28-31].

Как показывают материалы, в русские говоры заимствуются не сами иммитативы, а изобразительные глаголы, образованные от них. Следовательно, в качестве одного из возможных критериев может служить наличие междометного слова в предполагаемом языке-источнике, напр.: напр.:

(26) русский глагол *зэльгнуть* «звякнуть (о разбитом стекле)» [Теуш 2011] с большой долей вероятности может быть связан с коми глаголом *зэльгыны*, поскольку в коми языке есть сама основа *зэль* «подражание звону стекла, металла» [КРС: 229; ССКЗД: 130];

(27) *гольгатъ* «стучать лязгать зубами», *гыльгатъ* «звенеть, стучать» [СРНГ, 6: 288] < коми: *гиль-голь* «бряк, звяк»; *гиль-голькерны*, *гиль-гольмунны* «звякнуть, брякнуть, задребезжать» [КРС: 143, 146].

Далее, изобразительные глаголы коми языке продуктивно образуются с помощью специализированных суффиксальных элементов, причем, как пишет Д.В. Бубрих: «Для изобразительных глаголов характерен свой особый мирок суффиксации, хотя в них и употребляются суффиксы обычного порядка» [1949: 162]. К этому «мирку суффиксации» относятся не многие, но очень выразительные суффиксы: *-гы-* (*дзужгыны* «шипеть»), *-кы-* (*вашкыны* «шептать»), *-зы* (*чирзыны*) «визжать», *-сы-* (*баксыны* «блеять»).

Как правило, они сохраняются в русских заимствованных формах, напр.:

(27) *гургыны* «катить, тащить что-л. с шумом» [ССКЗД: 93] > рус. *гургатъ* «стучать, греметь» [СРНГ, 7: 238];

(28) *лявгыны* диал.: «визжать, выть (о собаках)» [КРС: 378; ССКЗД: 212] > рус. *лявгатъ* «говорить, болтать» [Теуш 2011];

(29) *лявзыны* «визжать, выть, скулить» > *лявзатъ*, *лявзитъ* «говорить о пустяках»: *лявзатъ целый день могут, а путного ничего не скажут* [СРНГП];

(30) *чивгыны* «щебетать, пищать, чирикать» [КРС: 703; ССКЗД: 410] > рус. *чивгатъ* «стрекотать» [Теуш 2011];

(31) *ургыны* «урчать, гореть с шумом» [КРС: 688; ССКЗД: 400] > рус. *ургатъ* «рычать, ворчать» [Теуш 2011] и др.

И, наконец, при выяснении этимологической истории изобразительного слова следует учитывать специфику контактов на разных территориях, что может отразиться как в фонетической структуре иммитивов, так и в их семантике. На разных территориях казалась бы близкое по звучанию слово может происходить из разных источников, о чем может свидетельствовать семантическое расхождение сопоставляемых лексем.

Например, в Ленском районе Архангельской области зафиксированы слова (32) *чушкатъ*, *шушкатъ* «шаркать ногами», *чушки* «старая стоптанная обувь», *чушкун* «человек, который прихрамывает или шаркает ногами», *зачушкатъ* «начать шаркать ногами», *шушкатъ* «шаркать ногами», которые О. Теуш сравнивает с коми: *чушкыны* «жалить, ужалить», «шаркать, волочить (по земле)», «нюхать», «сопеть, пыхтеть, тяжело дышать», «шипеть» [Теуш 2011].

В русских говорах нижней Печоры глагол *чушкатъ* имеет значение «фыркать»: *порос чушкат да фуркат, в огороде зашол; чушковатой* «обидчивый, вспльчивый, медлительный»; *чушнуть* «обидеться» [СРНГП], которое может быть сопоставлено с

диалектным коми словом *чушкыны* «фыркать (о животных)» [ССКЗД: 423], ср. тж. *чуи нюжодны* «обидеться».

Семантически печорский глагол более близок к коми слову, тогда как этимология архангельского глагола требует дополнительных обоснований.

Или другой пример: (33) глагол *чилькать*, возводимый к коми: *чилскыны* «пустить струей, брызнуть»; *чилькодны* «доить» [КРС: 705; ССКЗД: 411; КЭСК: 306], в говорах Архангельской областей имеет значение «доить, течь (о молоке)», в говорах Печоры встречается в значении «налить остатки, последние капли»: *когда мало воды, цё-ле супу, говорят: нацилькай воды-те* [СРГНП]. По-видимому, здесь можно говорить о сепаратных заимствованиях в разные русские говоры разных лексико-семантических вариантов многозначного коми глагола.

Некоторые лексемы могут быть представлены только в отдельных говорах, как, напр.: (34) глагол *керчкаать* – о крике глухаря, который мы обнаружили только в говорах нижней Печоры: *цохарь крецькат: «крець, крець»; потходиши к нему, он покерцькиват только* [СРГНП: 468], ср. коми *герчкыны* «крякать (об утке), трещать (о дергаче); скрипеть, скрежетать»; *герчкан* «коростель, дергач» [ССКЗД:78]. Локальное распространение лексемы также может свидетельствовать о прямом заимствовании коми слова в говор Усть-Цильмы.

На основе этих пока еще разрозненных материалов трудно делать далеко идущие выводы, они свидетельствуют только о том, что в языке нет мелочей. Всякий факт, взятый во взаимосвязи с другими, как это всегда пытался делать А.С. Сидоров, может привести к каким-то конкретным результатам. В данном случае мы можем сделать вывод о том, что ономастопозитическая лексика, которая почти никогда не используется в работах по этногенезу и этнической истории, на самом деле может служить достаточно ярким маркером этноязыковых связей как в недавнем, так и достаточно далеком прошлом. Разумеется, если она будет надежно этимологизирована с привлечением четких критериев и методик ее идентификации.

Литература

- Бубрих 1947 – *Бубрих Д.В.* Грамматика Коми литературного языка. Л., 1947.
- Кривошекова - Гантман 1981 – *Кривошекова - Гантман А.С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981.-С. 46-62.
- КРС – *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
- КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Матвеев 1956 – *Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Ученые Записки УрГУ. Свердловск 1959. 123 с.
- Матвеев 1991– *Матвеев А.К.* Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах русского Севера // Русская диалектная этимология: Труды межвуз. науч. конф.-Свердловск, 1991. - С. 25.
- Матвеев 1997 – *Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера (Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах русского Севера) // Этимология. 1994-1996. М.: Наука. 1997, с.125-140.
- Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера/ Отв. ред. А.К. Матвеев. Екатеринбург, 2004-.
- Мызников 2007 – *Мызников С.А.* Прибалтийско-финские и пермские межязыковые контакты, их отражение в лексической сфере на севернорусском фоне// Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. Ч.1. СПб., Наука, 2007, с. 489-498.
- Сидоров 1992 – *А.С. Сидоров.* Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992.

- СРГНП – Словарь русских говоров низовой Печоры / под ред. Л.А. Ивашко. Т 1. –СПб., 2003. Т 2. –СПб., 2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров/ под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1- / СПб., 1965-.
- ССКЗД – *Жилина Т.И., Сахарова М.А, Сорвачева В.А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Теуш 2002 – *Теуш О.А.* Новые данные о коми заимствованиях в севернорусских диалектах // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. -С. 200-204.
- Теуш 2007 – *Теуш О.А.* Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера// *Этимология (2003-2005)*. М., 2007. -С. 228-239.
- Теуш 2011 – *Теуш О.А.* Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области)// *Урало-Алтайские исследования*. 2011.№1(4). -С. 110-117.
- Фасмер – *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка*. Т. I-IV. М., 1964-1973.
- SKES – *Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. (LSFU, XII). Helsinki, 1958-1981.
- SSA – *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1-3. SKST, 556. Helsinki, 1992-2000.